

ГРАФОСЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРНОГО СИНТЕЗА ТЕМАТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА¹

К.И. Белоусов, Д.А. Ичкинеева

Ключевые слова: текст, тема, микротема, графосемантическое моделирование, структурный синтез.

Keywords: text, theme, microtheme, graphosemantic modelling, structural synthesis.

Тема текста является одной из интегральных единиц информационного пространства текста, представляя собой один из видов текстовой компрессии. В качестве подобных информационных конструкций можно рассматривать идею текста, концепт текста, основную мысль текста, смысл текста, текстовую макропропозицию – в основе каждого из них лежит особый способ (метод) обработки текстовой информации. Полагаем, что экспликация механизмов переработки информации с помощью перечисленных выше конструкций является актуальной для современной лингвистики.

Предметом данной статьи является экспликация механизмов формирования темы текста.

О *теме* существует значительный пласт научной литературы в самых разных филологических областях. Лингвистика текста, стилистика, анализ текста, литературоведение, психолингвистика и др., так или иначе, используют это понятие. И, несмотря на широкое поле применений *темы*, ее понимание, в целом, не обнаруживает серьезных расхождений.

В стилистике текста *тема* определяется как компрессия содержания; содержание при этом становится конкретным решением темы – «содержание – материал действительности, использованный для раскрытия темы, те факты, явления, которые подверглись обработке в речи» [Одинцов, 2004, с. 42]. Тема при таком подходе становится некоторой абстракцией от фактологической конкретики текста. «Тема – это предмет повествования, описания, рассуждения, исследования, обсуждения и т.п. Иными словами – тема это то, что описывается, или то, о чем говорится (пишется) в тексте» [Горшков, 2001, с. 109]. Тема

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Роснауки (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых докторов наук МД-2549.2008.6).

– это то обобщенное содержание, которое непосредственно растворено в тексте и может быть синтезировано из него без обращения к средовым факторам (культуре, биографии и др.). Такое понимание темы текста характерно и для практики анализа художественного текста (см., например, [Казарин, 2004; Шанский, 1999 и др.]).

Подобным же образом, на наш взгляд, определяют тему А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов, чей подход особенно интересен, поскольку понятие темы положено в основу создаваемой ими концепции *поэтики выразительности*. Тема, по мысли авторов, это «семантический инвариант всей совокупности его уровней, фрагментов и иных составляющих» [Жолковский, 1996, с. 292]. При этом тема «ни в коем случае не может <...> претендовать на статус абсолютного утверждения об «идейном» или каком-либо ином «содержании» данного произведения» [Жолковский, 1996, с. 18]. Не вдаваясь в детали концепции (видов тем, подтем и пр.), отметим, что и в данном случае тема целиком растворена в тексте и может быть синтезирована из него без влияния контекста, действие которого на тему выражает идею прочтения (интерпретации) текста.

С позиций денотативного анализа выявляется следующая иерархия элементов содержательной структуры: тема – подтемы – субтемы. Субтемы, являясь компонентами денотативной структуры, раскрывают содержание подтем, которые полагаются «ключевыми» денотатами, раскрывающими содержание предмета описания – темы текста [Новиков, 1983, с. 127–151]. В рамках психолингвистического исследования текст «расчленяется на иерархическую сеть тем, подтем, субтем и микротем» [Жинкин, 1998, с. 168]; см. также [Андрющенко, 1989]. Предложенная Н.И. Жинкиным концепция в дальнейшем была детализирована с помощью введения таких конструкторов, как макро- и микроструктуры текста (см., например, [Дридзе, 1984, с. 87–88]). Психолингвистический подход к теме текста связан с понятием замысла, реализация которого в тексте производится на уровне темы и идеи текста. Тематическое единство – единство предмета описания (референта) – в этой связи является сигнализатором цельности текста и его тождественности себе (см., например, [Жинкин, 1998; Мурзин, 1991; Новиков, 1983 и др.], в то время как *тема дискурса* и такое традиционное для филологического анализа понятие, как *идея произведения* «запускают» средовые механизмы функционирования текста.

В лингвистике текста *тема* понимается как «смысловое ядро текста, конденсированное и обобщенное содержание текста» [Москальская, 1981, с. 17]. При этом функция темы текста состоит в орга-

низации его смысловой целостности [Москальская, 1981, с. 17]. Тема целого речевого произведения есть продукт синтеза микротем, каждая из которых представляет собой тему ССЦ (СФЕ, строфы) [Дымарский, 2001; Лосева, 1980; Москальская, 1981; Солганик, 1991; Тураева, 1986]. Полагается, что если микротема непосредственно выводится из ССЦ (монотематичность ССЦ), то и тема текста также выводится из текста без обращения к средовым факторам. А так как ССЦ следуют друг за другом в пространстве текста, то и микротемы следуют в порядке поступления новых и завершения старых ССЦ. Микротемы оказываются локализованными в пределах ССЦ: «...сверхфразовое единство монотематично. Объединение всех составляющих его предложений вокруг одной темы есть проявление его смысловой целостности или семантической изотопии текста. Переход от одной темы к другой есть пограничный сигнал, знаменующий конец одного сверхфразового единства и начало следующего сверхфразового единства» [Москальская, 1981, с. 19]. При таком подходе к выявлению микротем и темы текста возникают некоторые проблемы. Получается, что тема текста все-таки является слагаемой из микротем (конечно, не по принципу 1+1+..., реализацию которого в процессе интерпретации конкретного текста вообще сложно себе представить), поскольку движение осуществляется «снизу вверх». Неслучайно, М.Я. Дымарский, определяя отношение каждого из микрофрагментов к общей теме текста, отмечает, что «эти отношения не выходят за рамки набора стандартных логических отношений расщепления, включения, сопоставления, противопоставления. Иначе говоря, микротема каждого микрофрагмента должна прямо выводиться из гипертемы, которой подчинен весь фрагмент» [Дымарский, 2001, с. 94]. Тема как бы делится без остатка на составляющие ССЦ (СФЕ) микротемы, что парадоксально, поскольку в лингвистике текста была обоснована невозможность безостаточного деления текста на ССЦ (см., например, [Дымарский, 2001, с. 98–108]).

Но основной проблемой, на наш взгляд, является игнорирование значимых для семантики *целого текста* микротем, не локализующихся в каких-то одиночных ССЦ, а распределяющихся по всему тексту. Такие микротемы, входя в состав большого количества ССЦ, зачастую не оказывают определяющего воздействия на формирование микротемы отдельного ССЦ. В качестве подобных «текстовых» микротем могут выступать, в частности, *мотивы*, рассредоточенные по всему текстовому пространству и выявляемые только на уровне целого [Гаспаров, 1994], *ассоциативные цепи текста*, создающие «мно-

гомерное содержательное пространство текстовых переключек» [Николаева, 2000, с. 418], *ассоциативно-смысловые поля*, материализованные лексически, связанные парадигматически и синтагматически, соотносящиеся с одним концептом текста [Болотнова, 2001, с. 130] и др. Кроме того, мы должны исходить из возможности репрезентации в тексте всякой *двуплановости* его содержания [Гальперин, 1981, с. 40–42], для которой предложение или ССЦ являются контекстуально недостаточными (требуется знание всего текста). Слова и сочетания слов, являясь репрезентантами семантической двуплановости текста, в составе ССЦ могут раствориться в ее теме, потерять приобретенные на уровне целого текста дополнительные смыслы. Подход «от ССЦ» не может учесть процессов многообразного «врастания» концепта в ткань текста (*textus* – ткань, сплетение, соединение). Именно поэтому подход к семантической целостности текста «от ССЦ» реализует синтагматическое (горизонтальное, сукцессивное) направление в процессе становления темы, не учитывая парадигматическое (вертикальное, симультанное) ее становление.

Сказанное позволяет считать, что процесс выделения микротем текста должен опираться на такую единицу, как *слово*, поскольку, во-первых, репрезентация собственно «текстовых» микротем может осуществляться дискретно по всему тексту без четкой и однозначной локализации. ССЦ или даже предложение оказываются слишком большими для таких репрезентаций. Во-вторых, ничто не мешает микротеме локализоваться в тексте через цепочку слов, которой на синтаксическом уровне соответствуют предложение и ССЦ. В-третьих, при подходе «от слова» микротема приобретает форму лексико-семантической группы, состоящей из входящих в нее лексем текста. Так как одна и та же лексема может входить в разные микротемы, то возникает суперпозиция (наложение) микротем на одном текстовом отрезке. В случае же подхода «от ССЦ» такая суперпозиция микротем невозможна (ср. с монотематичностью микротем ССЦ). Между тем, в тексте под влиянием его герметичности возникает процесс индуцирования смыслов в результате взаимодействия отдельных компонентов: «В этой своего рода семантической «камере» (тексте. – К.Б.) каждый попадающий в нее элемент вступает в непосредственную связь с множеством таких элементов, с которыми он никогда бы не вступил в контакт вне данной, неповторимой и уникальной конфигурации данного, неповторимого и уникального целого. Происходит тотальная фузия смыслов, в результате которой каждый отдельный компонент вступает в такие связи, поворачивается такими сторонами,

обнаруживает такие потенциалы значения и смысловых ассоциаций, которые он не имел вне и до этого процесса» [Гаспаров, 1994, с. 284]. Возможно, признание необходимости учета фактора суперпозиции микротем скорректировало и подход «от ССЦ» с введением понятий моно- и политематичности: «Политематичность <...> предполагает сосуществование, интерференцию двух и более (микро) тем на протяжении одного фрагмента текста» [Дымарский, 2001, с. 150]. (Ср. «...монотематическое целое (ССЦ) отличается единством макротемы <...> с появлением ассоциативных тем (и рем) [Папина, 2002, с. 51]). Однако в данном случае ни политематичность, ни ассоциативные темы не отражают того процесса суперпозиции микротем, который, по нашему мнению, с необходимостью присутствует в каждом текстовом сегменте.

Вследствие тотальной (глобальной) связности текста («...нет такого компонента (текста. – К.Б.) который бы не был связан хотя бы с одним другим компонентом текста...») [Мурзин, 1991, с. 11]), каждый его компонент вступает в многообразные и подчас противоречивые связи с другими компонентами. Объединение хотя бы двух компонентов текста, в результате чего появляется простейшая семантическая структура, может быть названо *микротемой*.

При таком подходе *тематическое пространство текста* предстает в виде *статистически* возникающих организованностей большей и меньшей степени общности. Но чем больше общность (больше число компонентов, входящих в микротему, сложнее ее структура), тем меньше вероятность ее появления. Вместе с тем растет вероятность возникновения *отдельных* сложных образований за счет, во-первых, низкой вероятности других сложных структур, и во-вторых, действия цельности текста. Тематическое пространство текста как целостность структурируется (информантами!) в виде нескольких вероятностно предпочитаемых сценариев (мод) синтеза. Между такими статистическими образованиями идет борьба за доминирование, включение в себя новых и новых более элементарных (а значит, и более устойчивых) образований. *Синтез побеждающих в этой конкуренции наиболее масштабных общностей и может быть назван темой текста*. Таким образом, для того, чтобы определить тему текста необходимо установить достоверно возникающие связи между компонентами от элементарной до предельной общностей и интерпретировать реконструированную предельную общность.

Может показаться, что при подходе «от слова» микротемы определяются слишком субъективно и отвлеченно. Но отвлеченность

присутствует и в процессе определения микротемы ССЦ, поскольку всегда для того, чтобы сконденсировать (обобщить) содержание, требуется отвлечься от его конкретики. Что же касается субъективного фактора в процессе выделения микротем, то в его минимизации и заключается задача исследователя. На наш взгляд, вариант ее решения может состоять в экспериментальном характере исследования, когда «много субъективностей творят объективность». Обязательным же условием вычленения микротем с помощью такой единицы анализа, как слово, является *не атомизация* слова, а постоянное рассмотрение его с позиций всего текста.

Кроме всего сказанного о теме, ее важной особенностью является ее непосредственная отнесенность к текстовому, а не к контекстуальному (культурному или личностному) пространству. Тематическое пространство текста отражает особенности синтеза темы из микротем разной степени общности, начиная с уровня слова. Таким образом, экспликация темы основывается на тех смысловых единицах, которые репрезентированы в тексте, и не нуждается в привлечении информации из сферы культуры или из области индивидуально-личностного смыслообразования.

Полагаем, что наиболее релевантным методом изучения процессов синтеза темы и реконструкции тематического пространства текста является эксперимент. Экспериментальный метод, созданный для количественного моделирования тематической организации текста, получил наименование *семантического картирования текста*.

Гипотеза, верифицируемая в эксперименте, состоит в том, что тематическое пространство текста может быть представлено как самоорганизующееся в том случае, если за основу (единицу) системы принять не вес (значимость, частотность) слова в тексте, а семантическую связь между словами.

Цель эксперимента: реконструировать систему семантических связей между словами текста в аспекте их статистической значимости, то есть избираемости их информантами.

Экспериментальные задания. Перед информантами ставятся задачи: 1) прочесть текст, определить его тему; 2) выделить микротемы текста и назвать их; 3) к каждой микротеме выписать слова, представляющие ее в тексте. Количество групп и слов в группах произвольно.

Условия эксперимента. Задания выполняются каждым испытуемым индивидуально. Текст подбирается объемом 150-200 словоформ. Время проведения эксперимента не ограничивается.

В качестве *реципиентов* выступили 52 студента-филолога.

В качестве *материала* нами был выбран следующий текст Н. Гнедича [Тиханов, с. 51]:

Одни несчастные сострадательны.

Сердце человека подобно тем древам, которые не прежде испускают целебный бальзам свой, пока железо им самим не нанесет язвы.

Только несчастный может судить несчастного.

Сердце загрубелое в счастье не в состоянии понимать злоплучного.

Информанты-филологи работают с текстом, определяют в тексте тему, микротемы, каждая из которых затем выступает наименованием лексико-семантической группы, составляющих ее слов. В процессе работы подготовленный информант, производя распределение слов текста по микротемам, опирается как на значения слов, так и на их контекстуальные связи. Этому способствуют начальные задания: определения темы текста, с помощью чего осуществляется первичный синтез его содержательно-смыслового пространства, позволяющий начать интеллектуальное движение в сторону анализа целостности, определения структурных ее единиц – микротем, синтез которых приводит к теме.

Поскольку в любую из создаваемых групп могут включаться лексемы, находящиеся в самых разных местах текста, *постольку та или иная субцельность (микротема) не может обрести четкой локализации, распределяясь по всему текстовому пространству. Тем самым, возникают суперпозиции субцельностей: их наложения и пересечения уже в сукцессивном осуществлении текста.*

Полученные реакции (интерпретации) состоят из лексико-семантических групп, в основе каждой из них лежит некоторый принцип (микротема). Лексемы, находящиеся в одной лексико-семантической группе, семантически связаны между собой тем принципом, ради которого они и образовали данную группу. Вступая в разные связи с другими словами в рамках целого, каждое слово становится компонентом разнообразных семантических подсистем, которые мы называем микротемами и др.

Понятие же силы семантической связи между двумя словами в тексте означает то, насколько часто эти два слова являются компонентами одной и той же микротемы данного текста.

Привлечение к процессу анализа текста *большого* числа информантов позволяет выявить его доминантные внутритекстовые связи.

Кооперируясь друг с другом, внутритекстовые связи образуют группы разной степени общности: от отдельных лексем (самый нижний уровень) до групп лексем (более высокие уровни).

Совокупность лексико-семантических групп всех интерпретаций отражает меру семантической связи каждой лексемы с остальными лексемами текста, что фиксируется с помощью *семантической карты текста* (см. таблицу 1). Она представляет собой таблицу, в которой первый столбец и первую строку занимают лексемы данного текста. В ячейке, находящейся на пересечении *k*-ой строки и *p*-го столбца отмечается значение семантической связи между данными лексемами в изучаемом тексте. Семантическая карта дает представление о силе семантической связи между лексемами текста. Очевидно, что связь между словами может иметь либо закономерный, либо случайный характер. Семантическая связь становится закономерной в том случае, когда две лексемы статистически часто включаются информантами в одну микроте-му.

Таблица 1. Семантическая карта текста Н. Гнедича (фрагмент)²

	сострадательны.	Сердце	древам	не	целебный	бальзам	железо	язвы	судить	загрубелое	в состоянии	понимать	злополучного
52 Ин.													
несчастные	23	17							28	17	15		16
Сердце			13	15	15	19		15		33	20	23	25
древам						15							
не										15	19	24	13
испускают					17	18							
целебный						33		21					
бальзам							13	22					
железо								16					
нанесет								16					
может									15				
загрубелое											22		
в состоянии												13	17
понимать													20
													13

² Таблица 1 отражает только значимые связи между лексемами данного текста. Выделенные значения характеризуют связи, которые отмечали испытуемые более чем в 40 % случаев. Остальные значения превышают 25 % рубеж.

Мы считаем, что опора на статистически обработанные результаты эксперимента помогает установить текстовые закономерности, влияющие на восприятие читателей и на последующую интерпретацию произведения. Графосемантическая модель, созданная на основе этих показателей, позволяет выявить семантические доминанты текста, определить наиболее продуктивные связи и с указанных позиций интерпретировать данный текст.

Семантический граф текста приведен на рисунке 1. Жирными линиями обозначены семантические связи, которые были отмечены более чем 60 % информантов. Тонкими линиями – семантические связи силой от 40 % до 60 %. Пунктиром – ассоциативные связи между лексемами (не достигающие 40 %). На рисунке 1 видно, что семантическое пространство текста представляет собой единую структурированную целостность. Ядром этой структуры, к которому стремятся все остальные компоненты, является лексема *сердце*. В структуре можно выделить три подструктуры (основным показателем для выделения подструктур становится наличие связей, превышающих 40 %, ассоциативные же связи являются факультативными). Доминантная (по количеству компонентов) подструктура формируется вокруг компонента *бальзам: целебный, древо, язвы, железо, испускают, нанесет*. Ядром второй подструктуры становится компонент *сердце: загорелое, злополучный, понимать, не, в состоянии*. Третья, периферийная, подструктура образуется вокруг компонента *несчастные: сострадательны, судить, может*. Особой автономностью в тексте обладает компонент *счастье*. Он имеет связь с двумя подструктурами, но все связи ассоциативны, поэтому нельзя точно определить, к какой из структур можно его отнести. Основной функцией этого компонента в тексте, очевидно, становится посредническая функция.

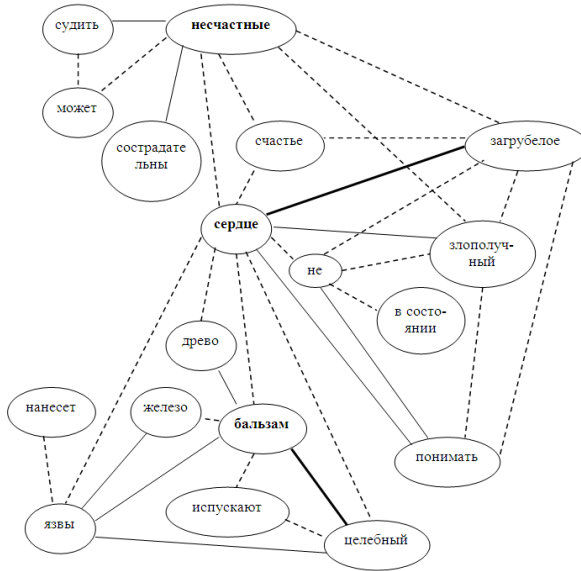

Рисунок 14. Семантический граф текста Н. Гнедича

Доминантная структура, в основном, состоит из компонентов, входящих в предложение-иносказание (*Сердце человека подобно тем **древам**, которые не прежде **испускают целебный бальзам** свой, пока **железо** им самим не **нанесет язвы***). Поскольку само иносказание реализуется в формах развернутого сравнения, оно может быть представлено в следующем виде: предмет сравнения (*сердце*) + связка + образ сравнения (*древу*). На уровне семантических связей обособление предмета сравнения приводит к ослаблению связи с другими компонентами иносказания, что способствует «вытеснению» его в другую подструктуру. Образ же сравнения, как мы видим, напротив, увеличивает интенсивность связей с распространяющими его элементами (придаточные предложения усиливают иерархичность информации, обеспечивают ее непрерывность). Поэтому ядром доминантной структуры становится не *сердце*, а *бальзам*: *бальзам* и *сердце* связаны друг с другом ассоциативно (ср. с *бальзам на сердце*), что выдвигает на первый план тему *сочувствия*. Центральным положением этой темы объясняется и слабая роль глаголов в доминантной подструктуре, поскольку в семантике лексем *испускают* и *нанесет* не присутствуют семы ‘сочувствия’. Естественно, тема *сочувствия* становится как бы «привязанной» к *сердцу* – «органу чувствования», что обуславливает

особое место этого компонента во всей структуре. Но, очевидно, кульминации эта тема достигает в иносказании, где соотносится с *целебным бальзамом* (поэтому *бальзам* и является ядром своей подструктуры). Компонент *бальзам* имеет значимые связи с *целебный* (более 60 %), что можно объяснить устойчивостью словосочетания *целебный бальзам*, характеризующего основное свойство *сочувствия*.

Значимой также оказывается связь ядерного компонента с лексемой *древа*, так как она в иносказании занимает место предмета сравнения и рассматривается в качестве источника возникновения *бальзама* (сочувствия). Интересно, что *древа* соотнесено только с *сердцем* и *бальзамом*. Возможно, отсутствие связей с другими компонентами обусловлено, в том числе, синтаксической организацией предложения: *древа* оказывается в непосредственном соседстве с *сердце* (предметом сравнения) и связкой *подобно*, образующими сравнение (*подобно древам*). С другой стороны, *древа* в сочетании с указательным местоимением *те* определяется посредством придаточного предложения, в котором проясняется природа объекта. *Бальзам* же в этом придаточном является семантической доминантой (подлежащим), а более дальние связи становятся ослабленными. Также достаточно сильно основной компонент соотносится с *язвами*, что обнаруживает контекстуальную соотнесенность темы *сочувствия* с темой *страдания*, объединяющего адресата и адресанта сочувствия. Микро-тема, которая репрезентируется доминантной подструктурой может быть определена как *целебность сочувствия*.

Во второй подструктуре тема сочувствия раскрывается и через микро-тему *отрицание самое себя (бесчувственность)*: связь *сердце – понимать* (точнее, *не понимать*, поскольку частица *не* имеет значимую связь только с компонентом *понимать*). Понимание здесь (*Сердце загрубелое в счастье не в состоянии понимать злополучного*) – это иррациональное думанье-вчувствование. Такая репрезентация темы подкрепляется значимыми связями *сердце – загрубелое* (более 60 %), *сердце – злополучный*. Компоненты данной подструктуры реализуются в последнем предложении текста.

Семантическая связь *сердце – злополучного* сложным образом отражает развитие темы. *Сочувствие*, как отмечалось, – это духовный акт, дар (отсюда и его «целебные свойства»). Если в *несчастном* значение формируется негативно посредством отрицания ‘счастья’, то семантика *злополучного* структурируется позитивно *зло + получить*. Из синонимов *несчастный / злополучный* только в структуре последнего присутствует компонент, связанный с *дарением (получать)*. Ко-

нечно, значения обоих слов обнаруживают явные признаки эмерджентности. Тем не менее, наличие во внутренней форме таких компонентов, как *зло* и *получать* крайне важно для понимания развития темы через связи ядерного компонента всей семантической системы. В подструктуре, формирующейся вокруг ядра *сердце*, компонент *злополучного* играет роль пациента, на который воздействует поле *неспособности к сочувствию*.

Последняя из подструктур с ядром *несчастные* состоит из трех компонентов: *сострадательны, судить, может*. Несмотря на структурную маргинальность в рамках всей системы, реализация темы посредством *этих компонентов* занимает в тексте два предложения (первое и третье). Слабая позиция подструктуры обусловлена тем, что в рамках небольшого по размерам набора лексем, входящих в эти предложения, три из них (*несчастные*) повторяются. Кроме такого явного повтора, в предложениях есть и синонимичный повтор: *одни – только*, так как в структуре их значений есть компоненты, выделяющие и обособляющие какие-либо элементы из общего множества родственных элементов (*одни* из всех возможных = *только* эти). Сближению предложений способствует и анафора: *одни несчастные – только несчастный*. Возможно, именно вследствие такой структурной и семантической спаянности предложения обособляются и образуют собственную подструктуру в рамках семантической системы текста. Тема *сочувствия* реализуется в данной подструктуре в наиболее простой форме: сначала утверждается *сострадательность несчастных* и затем говорится о *сострадательном суде несчастного над несчастным*. Заметим, что *судить* здесь понимается в значении ‘выносить суждение о поступках, давать им оценку’. Таким образом, тема здесь реализуется посредством микротемы *выражение сочувствия*.

Приведенный анализ графосемантической структуры призван показать, что на понимание текста большое влияние оказывает имеющая устойчивый характер семантическая связь между текстовыми элементами. Метод семантического картирования текста позволяет эксплицировать семантические связи между всеми лексемами текста и представить его тематическое пространство как связанное и иерархичное. Несмотря на то, что вариантов понимания текста может быть много, у каждого из них есть свой «вес», и интерпретационные стратегии информантов встраиваются в определенные иерархии. Статистически значимые презентанты данных стратегий, представленные в виде графосемантической модели, отражают доминантные смысло-

образовательные тенденции в тексте, а потому обладают интерпретационной силой универсального характера.

Литература

- Белоусов К.И. Текст : пространство, время, темпоритм. Новосибирск, 2005.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Томск, 2001. Ч. I.
- Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993.
- Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX-XX вв. М., 2001.
- Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды). М., 1998.
- Жолковский А.К. Работы по поэтике выразительности : Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М, 1996.
- Лосева Л.М. Как строится текст. М., 1980.
- Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.
- Мурзин Л.Н. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
- Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Одинцов В.В. Стилистика текста. М, 2004.
- Тиханов П. Николай Иванович Гнедич (1784-1884). Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. СПб., 1884.
- Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.,1995.